

УДК 81'271.12
ББК 81.2

В.А. Лазарев

**АРХАИЧНЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ,
ОТРАЖЕННЫЕ
В ГРАММАТИКЕ**

Рассматриваются архаичные особенности, представленные в грамматике. Анализируются типология родовых систем, категория числа в различных языках.

Ключевые слова: *грамматическая категория, архаичные особенности, мотивированность, система, язык, структура.*

Лазарев Владимир Александрович – докт. филол. наук, профессор кафедры перевода и информатики Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8 (863) 272 67 58
E-mail: vladilazzz@rambler.ru

© Лазарев В.А., 2012.

Согласно замечательной мысли Ф. де Соссюра (которая, как пишет Вяч. Вс. Иванов, пока еще не получила достаточно плодотворного развития), «лингвистика и другие семиотические дисциплины оперируют, как и экономика, категорией ценности, именно поэтому необходимо строго разделять синхронию и диахронию. Но, как и по отношению к биологической и социальной эволюции человека, особую значимость (в том числе и для прогнозирования будущего) приобретает выявление в синхронном состоянии языка архаических черт, унаследованных от прошлого, в том числе и весьма отдаленного» [Иванов, с. 160]. В грамматической семантике естественных языков запечатлена в основном та картина мира, которая была доступна человеческому сознанию во время формирования грамматического строя языка и его древнейших пластов. «Дело как будто бы обстоит так, что в какую-то давнопрошедшую эпоху несознательный ум племени наспех проинвентаризировал свой опыт, доверился этой скороспелой классификации, не допускающей пересмотра, и наделил наследников своего языка наукой, в которую они перестали всецело верить, но которую не в силах опрокинуть... Категории языка образуют систему пережившей себя догмы, догмы бессознательного» [Сепир, с. 100]. Идею глубокой мотивированности формирования и изменения грамматических категорий человеческим опытом проводит Р.А. Будагов. Со ссылками на труды Е. Найда, он анализирует факт наличия в некоторых языках Австралии (в частности – в ново-

каледонском) двух своеобразных посессивных систем в грамматике. Их можно назвать близкая и далекая. К первой группе относятся существительные со значениями *мать, печень, потомки*, ко второй – *отец, сердце, личная жизнь*. Такой, на первый взгляд, произвольный характер различения двух групп может быть понят при условии, если знать, что новокаледонское общество было в течение многих поколений матриархальным, что печень считалась символом самой личности и что потомки, продолжающие род, имели, как считалось, более близкое отношение к человеку, чем его собственная жизнь.

Однако после разрушения старых культурных обычаев данное грамматическое разделение потеряло свой смысл и стало «еще одной лингвистической окаменелостью, которыми изобилуют все языки». В современном новокаледонском языке старая посессивная система постоянно нарушается и вытесняется. В грамматике начинает вырабатываться более общая система посессивности, охватывающая как «близкие», так и «далекие» понятия [Будагов, с. 54]. Вывод из анализа данных явлений делается такой: развитие грамматики связано с совершенствованием, с устранением градаций, потерявших свою социальную обусловленность. В грамматике вырабатываются более широкие и емкие категории, не зависящие от частных и нередко временных предметных ассоциаций (см. также: [Сосновская, с. 19 – 20]).

Лексико-грамматическая система дает прямой выход на видение («мировидение»), но только генетически. То есть лексическая единица или грамматическая форма действительно отражает видение мира, но лишь того, кто эту единицу создал, положив в основу ее определенные признаки и отбросив другие. Однако эта единица может совершенно не отражать видения современного человека. Грамматические категории отражают определенные видения соответствующих народов, но только в период складывания этих систем. Архаические особенности видения реальности творцами языка застывают в языке, формализуются, каменеют. «В языковой системе запечатлена лишь *п а м я т ь* (выделено автором. – В.Л.) о предшествующих стадиях менталитета; на материале системы языка можно заниматься лишь археологией мышления и видения, а не изучать их современное состояние» [Борухов, с. 8 – 9]. Актуальное же видение современных носителей языка, по мысли цитируемого автора, проявляется в речи: речь не дает языковой системе навязать говорящим грамматическое видение мира, но, в свою очередь, предоставляет в их распоряжение средства для того, чтобы по-разному видеть некоторый фрагмент реальности.

Глубокая мотивированность грамматики всеми параметрами жизни социума сегодня признается многими исследователями: «...семантические, прагматические отношения в языке есть инобытие социальных отношений, а лексико-синтаксические структуры запечатлевают психику человеческих сообществ», – пишет В.С. Рахманин [Рахманин, с. 14]. Процесс социальной детерминации языка может рассматриваться на различных ярусах социальной и социо-этнической структуры – от на-

ций и классов до первичного звена – речевого акта, анализируемого в контексте социальной ситуации. «Вопрос об отражении социального непосредственно в структуре языкового знака исследован в мировом языкознании значительно меньше, чем проработка влияния общества на функционирование языка.» [Михальченко, Крючкова, с. 128].

Как пережиток архаических концептов объясняет существование категории рода Э.Сепир: «...форма живет дольше своего концептуального содержания. И форма, и содержание беспрерывно меняются, но в общем форма имеет тенденцию удерживаться и тогда, когда дух уже улетучился или видоизменил свою сущность... Иррациональная форма, форма ради формы, как бы мы ни называли эту тенденцию держаться за установившиеся формальные различия, столь же присуща жизни языка, как сохранение форм поведения, намного переживших свое бывшее значение» [Сепир, с. 76 – 77].

Анализ типологии родовых систем, доказывающий глубокую мотивированность рода древнейшими представлениями, осуществлен в работе Г.Г. Корбетта. Так, в распределении существительных по родам в ряде языков существенную роль играет мифологический принцип: если денотат имеет важную роль в мифологии, то род соответствующего существительного определяется по этой роли. Например: существует миф, согласно которому после смерти женщины ее душа становится птицей. Поэтому большинство названий птиц в языке дирбал (язык северо-восточной части Куинсланда в Австралии) относится к женскому (второму) роду. Вообще именные классы в этом языке на первый взгляд кажутся лишенными системности: к первому классу относятся мужчины, кенгуру, опоссумы, летучие мыши, большинство змей, большинство рыб, некоторые птицы, большинство насекомых, луна, штормы, радуга, бумеранги, некоторые копыя и т.д.; ко второму классу относятся женщины, собака, большинство птиц, некоторые змеи, некоторые рыбы, скорпион, солнце и звезды, щиты, некоторые копыя, некоторые деревья и т.д.; к третьему классу – мед, все съедобные фрукты и овощи, и соответствующие растения; к четвертому – части тела, мясо, пчелы, ветер, заостренные палки, копыя, трава, грязь, камни и т.д. Такую систему можно понять, только учитывая мировоззрение говорящих.

В алголкинских языках (северная часть США и южная часть Канады) есть два рода – одушевленный и неодушевленный. В большинстве случаев, если существительное обозначает лицо, животное, духа или дерево, то оно относится к одушевленному роду, а остальные существительные – к неодушевленному роду. Однако существует значительная группа исключений (например, в языке оджибва: *eko:n* ‘снег’, *enank* ‘звезда’, *meskomin* ‘малина’ – это существительные одушевленные). Антропологи (М. Блек-Роджерс и др.) предлагают следующую теорию. В мировоззрении этих народов самое главное – мощь. Всякое живое существо имеет свою долю мощи, в разных количествах. Люди должны приобретать мощь от источников в природе. Но нет единого мнения о том, какие предметы действительно есть источники мощи, и

тем более – какие самые сильные. К тому же об этом обычно не говорят, чтобы не обидеть действительно могущественные силы. Таким образом, распределение по родовым классам зависит не от одушевленности, а от мощности: названия могущественных существ относят к первому роду [Корбетт, с. 24].

Морфема множественного числа в современных индоевропейских языках соответствует и морфеме двойственного числа, и морфеме множественного числа праиндоевропейского [Хенигсвальд, с. 140]. Известно, что в старшие эпохи развития славянских, германских и балтийских языков, а также в санскрите и древнегреческом категория числа была трехчленной (включала и двойственное число, которое принимали наименования парных предметов). В современных индоевропейских языках категория двойственного числа утратилась, оставив различные по значимости следы своего существования; ср. русские сочетания имени с числительными *два, три, четыре* по единственному числу (этимологическое двойственное). Ср., как учитывается это различие в сочетаемости по числу между русским и английским языком при переводе:

«I had to claw away from the bank pretty lively four or five times, to keep from knocking the islands out of the river.» (М. Twain «The adventures of Huckleberry Finn»); перевод Н. Дарузес: *«Я старался держаться по-дальше от берега, и раз пять-шесть мне пришлось сильно оттолкнуться от него, чтобы не налететь на островки.»*

Нет ни одного славянского языка, где не сохранялась бы та или иная часть этих старых форм, своеобразно включенная в грамматическую категорию числа, основанную на значении множественности. Помимо общих черт в истории двойственного числа в славянских языках, отдельные славянские языки переживали и свои особые, специфические процессы, связанные с утратой двойственного числа. Различие конкретных путей утраты двойственного числа в разных славянских языках способствовало углублению своеобразия общей грамматической структуры каждого из этих языков. Еще В. Гумбольдт предостерегал от взгляда на двойственное число только как на категорию, возникшую для обозначения любых двух предметов, или как на особый вид множественного числа (так называемое ограниченное множественное). Не только в индоевропейских, но во всех других языках, использующих двойственное число, по Гумбольдту, релевантно понятие парности, двойственности как единства двух по природе или исторически взаимосвязанных предметов, т.е. как особой формы собирательности.

Изменение представлений, которые послужили основой отнесения к грамматическому классу, нередко определяет динамику грамматического класса. На основании того, что некоторые русские *pluralia tantum* перешли в разряд слов с двучисловой парадигмой (*кресла, фортепианы*), иногда высказывалось мнение, что это реликтовый, непополняемый разряд, который и вовсе может бесследно исчезнуть. Ср. статью С. Булич в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, где анализируются случаи типа латинского *litterae* (буквы, мн.ч.), послужившего основой

итал. *lettera* (ед. ч.), франц. *lettre* (ед. ч.). С. Булич считает, что «на пути к превращению в подобные формы единственного числа находятся так называемые *pluralia tantum* вроде наших *сани, ножницы, щипцы, грабли* и т.д., множественное число которых имеет скорее формальный характер и не подтверждается внутренней психологической необходимостью». Ср. также утверждение Н.С. Поспелова о том, что «...в русском языке существуют ставшие пережиточными в нем бесприставочные формы многократного вида, существительные, употребляемые только во множественном числе, формы собирательных числительных и т.п.» [Поспелов, с. 3 – 15] и оценку группы *pluralia tantum* как «непродуктивной и пережиточной» в учебном пособии А.Н. Гвоздева [с. 162]. Характерно, что такие оценки даются в работах общего характера, т.е. не в тех, которые нацеленно изучают именно этот разряд. В трудах же, монографически описывающих *pluralia tantum*, нередко содержатся совсем иные представления об этой группе. Так, в статьях и диссертационном исследовании И.Ж. Якубова утверждается, что разряд *pluralia tantum* богат и продуктивен, что 76 процентов имен *pluralia tantum* представляют собой слова активного запаса.

Литература

- Будагов Р.А.* Проблемы развития языка. М.; Л., 1965.
- Борухов Б.Л.* Стиль и вертикальная норма // Стилистика как общелингвистическая дисциплина : сб. науч. тр. Калинин, 1989.
- Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 1. М., 1973.
- Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М., 2004.
- Корбетт Г.Г.* Типология родовых систем // Вопросы языкознания. 1992. № 3.
- Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б.* Социоллингвистика в России // Вопросы языкознания. 2002. № 5.
- Поспелов Н.С.* Учение И.В. Сталина о грамматическом строе языка // Русский язык в школе. 1950. № 6. С. 3-15.
- Рахманин В.С.* Социальные проблемы языка в современном мире // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
- Сепир Э.* Грамматист и его язык // *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Сосновская Т.И.* Социальная детерминация грамматических форм в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2006.
- Хенигсвальд Г.* Существуют ли универсалии языковых изменений? // Заграничная лингвистика II. Избранное. М., 1999. С. 132 – 159.